

ляет собою плод серьезнаго изученія того направленія въ русской литературѣ 20—30 годовъ 19-го вѣка, которое имѣло исходнымъ пунктомъ своимъ нѣмецкую идеалистическую философію, особенно систему Шеллинга, и которое извѣстно съ именемъ любомудрія. Авторъ съ образцовымъ усердіемъ и полной научной добросовѣстностью успѣлъ выполнить довольно трудную задачу, которая лежала на немъ. Несмотря на скудость имѣющихся въ наличности данныхъ относительно фактической исторіи и дѣятельности кружка любомудровъ, онъ собралъ изъ разныхъ источниковъ значительное количество интересныхъ свѣдѣній, въ достаточной степени уясняющихъ вопросъ о происхожденіи, развитіи и историческомъ значеніи этого кружка. Въ его сочиненіи дается широкая характеристика эпохи 20-хъ годовъ, подробно излагается философія Шеллинга, вдохновлявшая любомудровъ, представляется внѣшняя и внутренняя исторія кружка, обстоятельно характеризуются отдѣльныя шеллингисты (Веневитиновъ, Шевыревъ, Одоевскій, Кирѣевскій), отмѣчается вліяніе ихъ на русскую мысль 30 и 40-хъ годовъ, расколовшуюся на славянофильство и западничество. Къ сожалѣнію, г. Русиновъ слишкомъ увлекся стремленіемъ создать громадную историческую перспективу для интересующихъ его фактовъ, и это расширеніе границъ ученой работы неблагоприятно отозвалось на всемъ сочиненіи. Оно изобилуетъ массой подробностей, съ одной стороны, слишкомъ общеизвѣстныхъ, съ другой—имѣющихъ самое отдаленное отношеніе къ предмету труда. Къ первымъ относится, напр., вся обширная характеристика Александровской эпохи; ко вторымъ—исторія литературныхъ направленій въ родѣ классицизма и сантиментализма. Нельзя признать также умѣстнымъ и слишкомъ пространное изложеніе системы Шеллинга, котораго, кстати сказать, авторъ въ подлинникѣ совсѣмъ не изучалъ. Вообще, въ цѣломъ разсматриваемое сочиненіе производитъ впечатлѣніе небольшой картины, вставленной въ пеструю раму огромныхъ размѣровъ, не выдѣляющую ее рельефно, а лишь скрадывающую. Впрочемъ, и въ столь непомѣрно распространенномъ видѣ, какъ студенческая работа, сочиненіе должно быть признано очень хорошимъ и дающимъ автору право на полученіе степени кандидата богословія“.

32) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента священника Салагора Павла на тему: „Клятвы Большаго Московскаго Собора 1667 года и единовѣрія“:

„Названное сочиненіе состоитъ изъ небольшого введенія (стр. 1—7) и шести главъ, изъ которыхъ *первая* (стр. 8—47) имѣетъ своимъ предметомъ анализъ соборнаго „изреченія“ 1667 г. и установленіе того взгляда на клятвы, который признается авторомъ за правильный, *вторая* (стр. 47—89)—разборъ двухъ другихъ, наиболѣе распространенныхъ взглядовъ на тотъ же предметъ, *третья* (стр. 90—130)—попытку выяснить, кому изъ членовъ собора принадлежала руководящая роль въ созданіи „изреченія“, *четвертая* (стр. 131—193)—обзоръ историческихъ данныхъ относительно пониманія церковною властью клятвъ отъ собора 1667 г. до учрежденія единовѣрія, *пятая* (стр. 194—261)—возникновеніе и основные пункты единовѣрія въ ихъ отношеніи къ клятвамъ названнаго собора; въ *последней* главѣ (стр. 262—300) рѣчь идетъ о неоднократныхъ попыткахъ единовѣрцевъ добиться отмѣны тяготящихъ ихъ совѣсть клятвъ, о разъяснительныхъ опредѣленіяхъ по этому поводу церковной власти и мнѣнійхъ представителей богословской науки, кончая членами Предсоборнаго Присутствія.

Уже изъ этой краткой схемы (болѣе подробная дана самимъ авторомъ въ тщательно составленныхъ конспектахъ, помѣщенныхъ въ началѣ каждой главы) легко видѣть, насколько обдуманно и широко намѣчены о. П. Салагоромъ рамки предпринятаго имъ изслѣдованія. Достоинствамъ хорошо составленнаго плана въ общемъ вполне соотвѣтствуютъ и качества его выполненія. Въ своихъ сужденіяхъ и выводахъ по всѣмъ затрогиваемымъ вопросамъ авторъ старается держаться на твердой почвѣ первоисточниковъ, обнаруживая хорошее знакомство съ ними и съ литературой о нихъ, самостоятельность критической мысли и выработанность приѣмовъ научной работы. Къ числу достоинствъ сочиненія нужно отнести и его языкъ, почти свободный отъ стилистическихъ дефектовъ. Въ упрекъ автору можно поставить совершенно не нужное воспроизведеніе *цѣликомъ* (на стр. 165—167 и 229—232) двухъ довольно обширныхъ и легко доступныхъ въ печатномъ изданіи документовъ, из-

лишнюю опредѣленность сужденія по одному частному историческому вопросу, допускающему пока лишь предположительное рѣшеніе (стр. 70), и два—три мелкихъ промаха, быть-можетъ — просто обмолвки (въ родѣ замѣчанія о появленіи бѣлокриницкой іерархіи въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія на стр. 263 или названія діакона Павла алеппскаго *племянникомъ* антиохійскаго п. Макарія на стр. 103). Но все это—такіе недочеты, которые не ослабляютъ общаго весьма благопріятнаго впечатлѣнія отъ работы о. П. Салагора и не препятствуютъ признать ее очень хорошей диссертацией на искомую степень“.

33) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Смирнова Михаила* на тему: „Значеніе женщины въ исторіи возникновенія и распространенія старообрядческаго раскола“:

„То, что авторъ разсматриваемаго сочиненія избралъ темой для своей курсовой работы, уже не въ первый разъ останавливаетъ на себѣ вниманіе изслѣдователей. Кромѣ разныхъ фельетонныхъ опытовъ „исторіи русской женщины“, бѣгло касающихся, между прочимъ, и роли послѣдней въ расколѣ, существуютъ хорошо извѣстныя специалистамъ статьи г. Забѣлина, покойнаго проф. Тихонравова и проф. П. Смирнова, которыя и послужили ближайшими руководствами и пособіями для нашего автора. Общій съ ними и предварительно обработанный въ нихъ матеріалъ онъ располагаетъ по своему, не вызывающему серьезныхъ возраженій плану (см. оглавленіе на стр. 271—273) и излагаетъ языкомъ, свидѣтельствующимъ о достаточномъ литературномъ навыкѣ. Для присужденія г. М. Смирнову кандидатской степени сочиненіе его достаточно“.

34) Исправляющаго должность доцента Ѳедора Россейкина о сочиненіи студента *Смирнова Николая* на тему: „Соціологическая теорія Н. К. Михайловскаго и христіанство“:

„Литературная дѣятельность Н. К. Михайловскаго заслуживаетъ вниманія въ трехъ отношеніяхъ. Какъ одинъ изъ крупнѣйшихъ духовныхъ вождей русской интеллигенціи, болѣе 40 лѣтъ стоявшій „на славномъ посту“, Михайловскій оставилъ широкую полосу въ исторіи русской обще-

ственной мысли XIX вѣка, сумѣвъ перенести свое вліяніе и за рубежъ XX-го. Для изученія недавняго русскаго прошлаго, какъ и для пониманія современной идейной борьбы, дѣятельность Михайловскаго даетъ богатый матеріаль и съ этой стороны представляетъ огромный интересъ для историка русской общественности. Но выступая признаннымъ вождемъ народничества, Михайловскій сумѣлъ занять еще и первое мѣсто среди русскихъ соціологовъ. Его субъективный методъ, формула прогресса и теорія борьбы за индивидуальность складывались въ широкую и стройную соціологическую доктрину, такъ или иначе пытающуюся освѣтить сущность общественнаго процесса и потому способную привлечь вниманіе соціолога, а слѣдовательно, и историка вообще. Наконецъ, въ своей борьбѣ за интересы личности Михайловскій выдвинулъ и пытался рѣшить проблему синтеза правды—истины и правды — справедливости. Попытка не оказалась удачной. Но исканіе „двуединой правды“ привело Михайловскаго къ утверженію связи между соціологіей и этикой, и съ этой стороны его воззрѣнія представляютъ интересъ для богослова.

По смыслу темы, предъ г. Смирновымъ стояла задача привести въ систему соціологическія воззрѣнія Михайловскаго, дать ихъ критическую оцѣнку и выяснитъ возможное отношеніе къ этикѣ вообще и христіанской въ частности.

Задача эта рѣшена г. Смирновымъ только отчасти.

Въ его сочиненіи не сведены въ систему идеи Михайловскаго, дана лишь неполная ихъ оцѣнка и только бѣгло намѣчено ихъ отношеніе къ христіанской этикѣ. Эти странные на первый взглядъ недочеты всецѣло объясняются тѣмъ, что авторъ понялъ свою задачу неожиданно-своеобразно. Долгія разсужденія о методѣ, составляющія вступительную главу сочиненія, привели его къ рѣшенію, что лучшимъ методомъ будетъ для него генетическій, съ помощью котораго „опредѣляется отправной моментъ, начальный пунктъ, откуда отбылъ и съ чего началъ авторъ, опредѣляется источникъ воззрѣній автора, указывается ихъ историческое происхожденіе“ (стр. 5). Увлечшись достоинствами этого метода, г. Смирновъ и поставилъ себѣ задачу, которой „еще никто не ставилъ“ (стр. 15): выяснитъ „генезисъ идей Михайловскаго и историческую обстановку, при

которой онъ развились“ (стр. 17). Другими словами, авторъ забылъ свою тему и написалъ сочиненіе на совершенно новую, которую можно, хотя не вполне точно, формулировать такъ: „Генезисъ воззрѣній Михайловскаго“. Получилась работа, имѣющая большой интересъ для историка русской общественной мысли, гораздо меньшій для социолога и еще меньшій для богослова.

Но принимая сочиненіе г. Смирнова такимъ, какимъ оно дано, нужно признать, что поставленная имъ задача рѣшена въ общемъ успѣшно. Авторъ не мало потрудился, вскрывая, какъ онъ выражается корни идей Михайловскаго. Богатый матеріалъ, которымъ онъ располагалъ, далъ ему возможность широко раздвинуть рамки изслѣдованія и обстоятельно показать, откуда были восприняты и какъ переработаны Михайловскимъ его взгляды. Однако сочиненіе г. Смирнова небезупречно какъ по полнотѣ содержанія, такъ по плану и по изложенію. Неполнота выразилась въ томъ, что авторъ, за недостаткомъ времени, не уяснилъ отношенія Михайловскаго къ позитивизму, хотя въ своей вступительной главѣ призналъ это необходимымъ. Принятый авторомъ планъ страдаетъ существеннымъ недостаткомъ. Построенъ онъ такъ: отношеніе Михайловскаго а) къ его ближайшимъ предшественникамъ и идейнымъ друзьямъ Лаврову и Ножину; б) къ дарвинизму и органической школѣ въ социологіи; в) къ 60-мъ годамъ и тремъ крупнѣйшимъ изъ шестидесятниковъ. Представляется непонятнымъ, почему шестидесятые годы поставлены на послѣднемъ мѣстѣ, когда и хронологически, и идейно они предшествовали Лаврову? Авторъ самъ признаетъ, что идеи и настроенія 60-хъ годовъ послужили лишь общей атмосферой, въ которой формировались взгляды юноши-Михайловскаго, тогда какъ съ Лавровымъ онъ стоялъ въ непосредственной идейной связи. Въ такомъ случаѣ главы сочиненія нужно было расположить въ иномъ порядкѣ. Что касается изложенія, то здѣсь авторъ нерѣдко грѣшитъ безцѣльной обстоятельностью и ненужными, иногда досадными отступленіями. Въ главѣ о Лавровѣ и Ножинѣ онъ считаетъ необходимымъ познакомить читателя съ вѣшними фактами ихъ жизни, въ чемъ не представлялось никакой нужды. Изложенію социологическаго дарвинизма предшествуетъ очеркъ развитія естествознанія въ первой половинѣ XIX вѣка, и

эти страницы (147—176) могут быть выпущены без всякаго ущерба для полноты сочиненія и съ выигрышемъ въ его стройности. Но особенно страдаетъ въ указанномъ отношеніи огромная (271—416) глава о 60-хъ годахъ. Авторъ счелъ нужнымъ дать двойную характеристику эпохи: одну общую,—характеристику господствующихъ идей и настроеній, и другую частную,—характеристику возрѣній трехъ виднѣйшихъ шестидесятниковъ. Можно было ограничиться одной первой (271—341) и во всякомъ случаѣ сократить по возможности вторую. Но если уже авторъ хотѣлъ быть обстоятельнымъ и не боялся дѣлать отступленія и начинать рѣчь издалека, ему нужно было удѣлить больше вниманія Герцену, такъ какъ именно Герценъ первый ясно формулировалъ проблему индивидуализма, надъ которой трудился Михайловскій. Къ числу ненужныхъ уклоненій относятся страницы 486—492 и нѣкоторыя другія мѣста.

Опредѣленіе генезиса возрѣній Михайловскаго является для г. Смирнова главной задачей. Однако попутно онъ пробуетъ разрѣшить и другую, удѣляя мѣсто критической оцѣнкѣ излагаемыхъ возрѣній. Эти критическія замѣчанія имѣютъ вѣсъ; но въ содержаніи сочиненія занимаютъ лишь второстепенное положеніе. Не собравъ въ систему возрѣній добросовѣстно изученнаго имъ автора, г. Смирновъ не могъ дать и цѣльной, стройной критики.

Послѣдняя глава сочиненія посвящена характеристикѣ индивидуализма Михайловскаго и уясненію отношенія его социологіи къ этикѣ. Авторъ совершенно правильно опредѣлилъ индивидуализмъ Михайловскаго какъ социологическій, а не этический, и болѣе или менѣе основательно опровергъ его утилитарную этику. Но смыслъ исканій синтеза правды—истины и правды—справедливости оцѣненъ имъ недостаточно.

Стиль сочиненія не блещетъ обработанностью; можно желать болѣе точности и сжатости.

Степени кандидата богословія г. Смирновъ заслуживаетъ“.

35) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Соболева Христофора* на тему: „Происхожденіе и смыслъ самоистребленія въ русскомъ расколѣ старообрядчества“:

„Громадное сочиненіе г. Соболева (XX+832 стр. и сверхъ того четыре „приложенія“) представляетъ интересную по замыслу попытку разработать вопросъ о происхожденіи и смыслѣ раскольническихъ самоистребленій, уже не разъ останавливавшій на себѣ научное вниманіе. Особенность данной работы сравнительно съ имѣющимися въ нашей литературѣ изслѣдованіями о томъ же предметѣ заключается, по предупредительному указанію самого автора (см. прибавленный имъ отъ себя подзаголовокъ), въ томъ, что вопросъ разсматривается „въ исторической перспективѣ“, т. е., какъ оказывается при ближайшемъ знакомствѣ съ сочиненіемъ. въ связи съ очень сложною совокупностью характерныхъ чертъ политической, социальной, экономической и нравственно-религіозной жизни русскаго народа въ эпоху возникновенія раскола и въ вѣка, ей предшествовавшіе. Только въ рамкахъ указанной широкой программы находить онъ возможнымъ „трактовать такой сложный и запутанный вопросъ, какъ вопросъ о самоистребленіи, о его происхожденіи въ русскомъ обществѣ и о его внутренней сущности и смыслѣ, трактовать безъ опасенія опустить изъ вида и замолчать о тѣхъ или иныхъ факторахъ, породившихъ его, и чрезъ то впасть въ старую ошибку узкаго и шаблоннаго взгляда на это крупное явленіе древне-русской жизни“ (стр. XVIII). Не указывая точнѣе, ошибочность какого именно „взгляда“ имѣется при этомъ въ виду (какъ извѣстно, „взглядовъ“ на самоистребленіе высказано въ спеціальной литературѣ о расколѣ нѣсколько), и минуя вообще обычный разборъ существующихъ мнѣній по изучаемому вопросу, г. Соболевъ рѣшаетъ дать послѣднему „новую постановку, не примѣненную еще никѣмъ и нигдѣ“ и долженствующую привести „къ выводамъ столько же интереснымъ и любопытнымъ, сколько живымъ и поучительнымъ“ (стр. XIX—XX).

Къ сожалѣнію, ознакомившись съ названной работой, приходится констатировать, что авторъ ея нѣсколько преувеличиваетъ значеніе своего труда и во всякомъ случаѣ—даетъ гораздо меньше, чѣмъ обѣщаетъ. Правда, онъ остается вѣренъ намѣченной широкой постановкѣ вопроса и цѣлую первую часть сочиненія, болѣе обширную по объему (стр. 1—524), посвящаетъ подробной характеристикѣ древне-русской жизни со всѣхъ вышеупомянутыхъ ея сторонъ,—пожа-

луй, болѣе подробной, чѣмъ нужно для его цѣли, и слишкомъ загроможденной деталями, изъ-за которыхъ не легко услѣдить основную, руководящую мысль. Но громоздкій подходъ къ специальному предмету изслѣдованія, трактуемому во второй части (стр. 525—832), въ существѣ дѣла не устанавливаетъ *новыхъ* точекъ зрѣнія, не намѣченныхъ болѣе или менѣе опредѣленно прежними изслѣдователями, и вся „новизна постановки“ сводится, такимъ образомъ, къ признанію совмѣстнаго и не достаточно ясно дифференцированнаго дѣйствования сложной круговой цѣпи причинъ, отдѣльнымъ звеньямъ которой раньше отдавалось преимущественное или исключительное вниманіе. И сравнивая эту подготовительную часть сочиненія со второй его половиной, на которую, очевидно, не достало времени у автора, чтобы развернуть ее до желаемой широты, невольно начинаешь досадовать, что г. Соболевъ, поведа слишкомъ подробную рѣчь издалека, не поберегъ средствъ для надлежащей разработки своего ближайшаго матеріала и для болѣе отчетливой формулировки выводовъ, такъ заманчиво обѣщанныхъ имъ во введеніи къ изслѣдованію.

Но говоря такъ, мы далеки отъ мысли оспаривать крупныя ученныя достоинства этой во всякомъ случаѣ *выдающейся* студенческой работы. По чрезвычайному обилію собраннаго и тщательно изученнаго матеріала (первоисточниковъ и ученыхъ пособій), по зрѣлости критической мысли, выработанности приѣмовъ изслѣдованія и—въ общемъ—строго выдержанной правильности стиля сочиненіе г. Соболева заслуживаетъ высокой похвалы. Оно не только показываетъ въ авторѣ вполне достойнаго претендента на искомую степень, но и общается въ немъ по выходѣ изъ школы полезнаго работника для русской исторической науки“.

36) Ординарнаго профессора Алексѣя Введенскаго о сочиненіи студента *священника Совѣтова Алексѣя* на тему: „О нравственномъ міропорядкѣ“.

„О. Совѣтовъ внимательно прочиталъ рекомендованныя ему пособія—Бутру, Карьера. Лютце, Некрасова и др.—и довольно толково изложилъ вычитанное въ трехъ главахъ: „Метафизическое рѣшеніе вопроса о нравственномъ міропорядкѣ“. „Факты, свидѣтельствующіе о нравственномъ міро-

порядкѣ“, „Богъ и нравственный міропорядокъ“, предпославъ сочиненію краткое „Введеніе“ и присоединивъ къ нему краткое же „Заключеніе“. Сочиненіе небольшое (247 стр.), но ясное по общей схемѣ и основной мысли. Отъ себя, сравнительно съ пособиями, авторъ почти ничего не привнесъ. Въ формально-литературномъ отношеніи сочиненіе не отличается выработкою, иногда спускаясь до простаго, и притомъ литературно-шероховатаго, перифраза чужихъ мыслей. Въ общемъ, сочиненіе не изъ блестящихъ. Но ничто не препятствуетъ признать его достаточнымъ для присужденія автору первой ученой богословской степени—кандидата богословія“.

37) Экстраординарнаго профессора Николая Городенскаго о сочиненіи студента *Соколова Владимира* на тему: „*Лаокоонъ Лессинга*“:

„Сочиненіе г. Соколова состоитъ изъ 7 главъ. Первые три главы имѣютъ историческій характеръ: здѣсь дается общій взглядъ на развитіе проблемы, интересующей Лессинга въ „Лаокоонѣ“, указывается историческая обстановка, при которой выступилъ Лессингъ со своею эстетическою критикою, обрисовывается развитіе эстетическихъ взглядовъ его и постепенный ростъ идеи „Лаокоона“. Въ четвертой главѣ авторъ устанавливаетъ общую точку зрѣнія на произведеніе Лессинга, въ пятой даетъ спеціальнѣйшій анализъ этого произведенія, въ шестой указываетъ на его общее значеніе для исторіи критики, наконецъ въ седьмой главѣ г. Соколовъ представляетъ критическую характеристику содержащихся въ „Лаокоонѣ“ воззрѣній на взаимоотношеніе религіи и искусства.

Сочиненіе г. Соколова отличается незаурядными для студенческой работы достоинствами. Авторъ изучалъ по нѣмецкому изданію Вюппенга не только самый „Лаокоонъ“, но и сохранившіеся его первоначальные наброски и проекты. Это дало г. Соколову возможность взглянуть на знаменитое произведеніе Лессинга шире и глубже, чѣмъ позволяетъ одинъ лишь окончательный текстъ „Лаокоона“. Вдумчивость, критичность, внимательное отношеніе къ цѣлому и къ деталямъ, стремленіе высказывать во всемъ самостоятельно составленное или провѣренное сужденіе—вотъ качества, обна-

руживаемыя авторомъ на протяженіи всей работы. Съ нѣкоторыми взглядами г. Соколова можно не соглашаться (такова, на примѣръ, его мысль, что „Гамбургская Драматургія“ есть не что иное, какъ 2-я часть „Лаокоона“), но его общую точку зрѣнія,—что сужденія „Лаокоона“ нужно разсматривать при свѣтѣ окончательной цѣли Лессинга и, въ частности, въ связи съ проектомъ 3-й части,—слѣдуетъ признать достаточно обоснованной. Сочиненіе даетъ г. Соколову полное право на степень кандидата“.

38) Исправляющаго должность доцента Николая Туницкаго о сочиненіи студента *Стеблева Бориса* на тему: „Поученія преп. Феодосія Печерскаго“:

„Вопросъ о размѣрахъ и историческомъ значеніи литературной дѣятельности преп. Феодосія Печерскаго до сихъ поръ въ наукѣ остается нерѣшеннымъ. Между учеными не установилось полного согласія ни относительно количества сохранившихся отъ него трудовъ, ни относительно подлинности надписываемыхъ его именемъ поученій, ни относительно степени самостоятельности его литературнаго творчества, ни относительно вліянія его на другихъ древне-русскихъ писателей. Тѣ методологическіе приемы, которые могли бы привести новаго изслѣдователя къ прочнымъ результатамъ, потребовали бы отъ него цѣлаго ряда поисковъ, старательнаго сличенія поученій, принадлежащихъ или приписываемыхъ преп. Феодосію, съ различными учительными памятниками византійской и древне-русской литературъ, а также тщательнаго анализа ихъ со стороны языка. Къ сожалѣнію, г. Стеблевъ въ своемъ сочиненіи не поднялся до уровня методологическихъ требованій, подсказываемыхъ современной историко-литературной наукой. Онъ весь-во власти своихъ, болѣе или менѣе авторитетныхъ, предшественниковъ по работѣ: орудуетъ ихъ методомъ, комбинируетъ ихъ мнѣнія, одного другимъ поправляетъ, одного другимъ опровергаетъ. А въ тѣхъ случаяхъ, когда его разсужденіе выходитъ за предѣлы сложившихся въ наукѣ мнѣній и догадокъ, оно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣетъ характеръ общихъ положеній и часто обнаруживаетъ странную склонность автора судить о древне-русской литературѣ, ея представителяхъ и древнихъ литературныхъ нравахъ съ точки зрѣнія

принятых у насъ новѣйшихъ литературныхъ понятій. Въ результатѣ сочиненіе обладаетъ шаткостью основныхъ выводовъ и недостаточной убѣдительностью коренного положенія, отрицающаго принадлежность преп. Θεодосію связанныхъ съ его именемъ или приписываемыхъ ему произведеній за исключеніемъ извѣстныхъ семи поученій, представленныхъ сборникомъ Рум. муз. № 406, и молитвы за всѣхъ христіанъ.—Однакожь, не удовлетворяя чисто-научнымъ требованіямъ, сочиненіе г. Стеблева не лишено нѣкоторыхъ положительныхъ качествъ, приличествующихъ студенческой работѣ. Внимательное изученіе литературы предмета у автора соединяется съ умѣніемъ извлекать изъ нея характерныя данныя. Въ заслугу ему должна быть поставлена также попытка сличенія поученій, приписываемыхъ преп. Θεодосію, съ твореніями Θεодора Студита. Изложеніе не лишено послѣдовательности и не страдаетъ многословіемъ. Автора можно признать заслуживающимъ кандидатской степени“.

39) Заслуженнаго ординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Трембовецкаго Владимира* на тему: „Евангельское ученіе о царствіи Божіемъ“:

„Слѣдившимъ за богословской литературой послѣднихъ лѣтъ и знающимъ, что не дальше, какъ въ 1904 г., вышла въ свѣтъ обширная книга профессора П. Свѣтлова: „Идея царства Божія“, трудъ на ту же тему можетъ показаться не очень нужнымъ или даже и совсѣмъ излишнимъ; но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Правда въ книгѣ Свѣтлова раскрывается и евангельское ученіе о царствѣ Божіемъ, но больше говорится de omni re scibili et quibusdam aliis. Довольно сказать, что въ книгѣ Свѣтлова даже не упомянуто ни одно изъ святоотеческихъ толкованій на Евангелія и приведены только двѣ выдержки изъ этой литературы—одна изъ сочиненія Григорія Нисскаго, не имѣющаго отношенія къ ученію о царствѣ Божіемъ, и другая изъ слова Ефрема Сирина, и читатель книги Свѣтлова выноситъ впечатлѣніе, что ученіемъ о царствѣ Божіемъ стали интересоваться только въ послѣднія десятилѣтія, и притомъ почти только въ одномъ протестантскомъ мірѣ. Но и протестантская обширная литература о царствѣ Божіемъ только указана въ сочиненіи Свѣтлова, но не изучена этимъ послѣднимъ. Въ виду этого

дать тему о царствѣ Божіемъ было вовсе не излишне, а студенту, хотя и не опытному еще въ составленіи ученыхъ трудовъ и стѣсненному годовымъ срокомъ подачи сочиненія, было не опасно взяться за нее. И дѣйствительно, наличность сочиненія Свѣтлова не воспрепятствовала г. Трембовецкому написать сочиненіе о царствѣ Божіемъ меньшее по величинѣ, но лучшее по достоинству, нежели сочиненіе Свѣтлова, и независимое отъ этого послѣдняго. Г. Трембовецкій читалъ книгу Свѣтлова и кое-что заимствовалъ изъ нея, но только въ мелочахъ. Она была для него лишь однимъ изъ многихъ пособій, и не изъ главныхъ. Сочиненіе г. Трембовецкаго выгодно отличается отъ книги Свѣтлова уже тѣмъ, что онъ совершенно правильно первостепеннымъ, даже единственнымъ источникомъ для своего труда поставилъ четвероевангеліе. При помощи толковательныхъ трудовъ, древнихъ и новыхъ, а также и специальныхъ сочиненій о царствѣ Божіемъ Иссея, Кюстлина, Шнедермана и другихъ, онъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ изслѣдовалъ ученіе евангелій о царствѣ Божіемъ. Чуть не каждая страница его сочиненія наполнена цитатами изъ Евангелій.

Все сочиненіе его, кромѣ введенія (I—XXVШ), раздѣлено на слѣдующія двѣнадцать главъ:

- 1) Смыслъ и употребленіе выраженій: „царство“, „царство Божіе“, въ священныхъ книгахъ Ветхаго и Новаго Заветовъ (1—14 стр.);
- 2) Ветхозавѣтное ученіе о царствѣ Божіемъ (15—49);
- 3) Проповѣдь Іоанна Крестителя о царствѣ Божіемъ (50—85);
- 4) Основатель царства Божія (86—152);
- 5) Существо царства Божія (153—208);
- 6) Свойства царства Божія (209—228);
- 7) Царство Божіе настоящее (229—266);
- 8) Царство Божіе будущее (267—280);
- 9) Условія „восхищенія“ царства Божія (281—317);
- 10) Форма царства Божія (318—344);
- 11) Царство Божіе и церковь (345—358);
- 12) Царство Божіе и мѣръ (359—382).

Перечень этихъ заголовковъ показываетъ, что г. Трембовецкій изслѣдовалъ взятый имъ предметъ всесторонне, не опустивши ничего существенно важнаго. Правда, иныя сто-

роны предмета раскрыты имъ менѣе подробно и обстоятельно, чѣмъ какъ было бы желательно. Но это извиняется чрезвычайной широтой и сложностію предмета. Планъ изслѣдованія хорошъ. Въ выработкѣ его г. Трёмбовецкому оказала значительную помощь книжка Иссея: *Die Lehre vom Reiche Gottes im Neuen Testament*. Но онъ отнюдь не слѣдовалъ рабски плану, по которому изложено ученіе о царствѣ Божіемъ въ книжкѣ Иссея. Довольно сказать, что у г. Трёмбовецкаго планъ чисто предметный, какимъ онъ и долженъ быть въ догматическихъ сочиненіяхъ, а у Иссея принципъ дѣленія смѣшанный: по предметамъ и по книгамъ Священнаго Писанія. Обработано сочиненіе очень тщательно и написано языкомъ вполне литературнымъ. Есть въ его сочиненіи недостатки, но частные. Напр., нельзя признать правильнымъ его мнѣнія о тождествѣ царства Божія и церкви (357 и слѣд. страницы). Но этотъ недостатокъ не великъ потому, что вопросъ объ отношеніи царства Божія къ церкви—темный и спорный вопросъ. Требуется большихъ ограниченій и оговорокъ и мысль его о распространеніи царства Божія предъ концомъ міра по лицу всей земли (224 стр.), въ виду ясныхъ словъ Христа, что Онъ, *пришедши, найдетъ ли вѣру на землѣ* (Лук. 18, 8).—Для присужденія степени кандидата г. Трёмбовецкому сочиненіе его вполне достаточно“.

40) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Троицкаго Аркадія* на тему: „Московскіе церковные соборы 1654 и 1655 г.г.“:

„Знакомымъ съ исторіей книжно-обрядовыхъ исправленій при п. Никонѣ хорошо извѣстно, какое видное мѣсто принадлежитъ въ этой исторіи двумъ названнымъ соборамъ: извѣстно и то, что для изученія ихъ сдѣлано довольно много подготовительной работы. Но въ печатной литературѣ до сихъ поръ нѣтъ спеціальнаго изслѣдованія, которое имѣло бы своею задачею всесторонне освѣтить эти два важнѣйшіе момента Никоновской „справы“. Авторъ разсматриваемаго сочиненія взялъ на себя трудъ написать такое изслѣдованіе, и нужно отдать ему справедливость: выполнилъ эту работу съ большимъ успѣхомъ. Онъ тщательно собралъ и критически провѣрилъ весь тотъ фактическій матеріалъ, какой дается доселѣ извѣстными первоисточниками; широко и вни-

мательно изучилъ труды своихъ предшественниковъ по работкѣ тѣхъ вопросовъ, которые входили въ кругъ его изслѣдованія; умѣло разобрался въ довольно сложномъ и запутанномъ ходѣ событій, связанныхъ съ исторіей соборовъ, и если не привнесъ въ нее новыхъ фактическихъ данныхъ, то во всякомъ случаѣ—сдѣлалъ несомнѣнный шагъ впередъ въ смыслѣ болѣе детальной обработки и объединенія уже имѣвшихся въ научномъ оборотѣ свѣдѣній. Въ упрекъ автору можно поставить лишь нѣкоторую невыдержанность его общаго взгляда на основные принципы церковно-преобразовательной дѣятельности п. Никона. Во всемъ остальномъ по своимъ внутреннимъ, какъ и по внѣшнимъ—стилистическимъ качествамъ, разсматриваемое сочиненіе заслуживаетъ большой похвалы. Признаю г. Троицкаго вполне достойнымъ искомой имъ степени“.

41) Экстраординарнаго профессора Сергѣя Смирнова о сочиненіи студента *Троицкаго Петра* на тему: „Кипріанъ, митрополитъ Новгородскій“:

„Небольшой очеркъ г. Троицкаго дѣлится на слѣдующія главы: I. Кипріанъ, архимандритъ новгородскаго Хутынскаго монастыря; II. Кипріанъ, первый архіепископъ Сибирскій и Тобольскій; III. Кипріанъ, митрополитъ Крутицкій и Новгородскій.

Это толковая, довольно умѣло составленная біографія русскаго іерарха первой половины XVII в. Безъ лишнихъ словъ, съ внимательнымъ изученіемъ литературы предмета и доступныхъ источниковъ авторъ излагаетъ жизнь и дѣятельность этого виднаго святителя русской церкви. Степень самостоятельности, проявленной авторомъ при написаніи труда, не одинакова въ разныхъ его частяхъ. Во II гл. для изображенія дѣятельности Кипріана въ Сибири богатый матеріалъ представляли данныя Москов. Архива Минист. Юстиціи, которыхъ, къ сожалѣнію, не послали въ академію по просьбѣ автора; и этотъ отдѣлъ г. Троицкій принужденъ былъ составить по пособіямъ, главнымъ образомъ по статьямъ г. Буцинскаго. III гл. самостоятельна. Здѣсь г. Троицкій подробно занимается разборомъ двухъ челобитныхъ дьяка Шипулина, поданныхъ царю на митр. Кипріана съ жалобой на его „неправды и непригожія рѣчи“, вмѣстѣ съ документами,

приложенными въ оправданіе жалобы (изд. А. Зерцаловымъ въ Чт. Общ. Ист. и Др. 1896, 1). Указанные матеріалы авторъ оцѣниваетъ по своему, расходясь съ ихъ издателемъ.

Къ недостаткамъ сочиненія надо отнести прежде всего неполноту его. Авторъ не занялся, наприм., самостоятельнымъ изслѣдованіемъ біографическихъ данныхъ о Кипріянѣ до архимандритства его на Хутыни; оставляетъ безъ разбора грамоты митр. Кипріяна подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ содержатъ мелкія постановленія обрядоваго и литургическаго характера (175 стр.); не говоритъ объ участіи Кипріяна въ составленіи Чиновника Новгородскаго Софійскаго собора.—Встрѣчается невѣрное истолкованіе данныхъ источниковъ. Лѣтопись упоминаетъ о томъ, что въ Сибири Кипріянъ „невѣрныхъ многихъ крестилъ въ православную христіанскую вѣру“. Авторъ не придаетъ этому значенія, ссылаясь „на стереотипный характеръ фразы, столь обычной у лѣтописцевъ“ (75 стр.); между тѣмъ не приводитъ ни одного параллельнаго мѣста въ доказательство стереотипности лѣтописнаго извѣстія... Изъ высокопарныхъ обращеній кн. Шаховскаго къ м. Кипріяну дѣлается выводъ о репутаціи послѣдняго у современниковъ, какъ просвѣщеннаго человѣка (176—177). Опредѣляется возрастъ Кипріяна по аналогіи съ другими настоятелями Хутынскаго монастыря (146 стр.).—Замѣтно пристрастіе автора въ пользу описываемаго лица, сказавшееся при разборѣ жалобы на м. Кипріяна. Г. Троицкій старается во что бы то ни стало обѣлить новгородскаго владыку отъ возводимыхъ на него обвиненій и самъ порою чувствуетъ, что заходитъ далеко: то говоритъ о „злостной кляузности челобитчика“, о томъ, что „лучше совершенно не придавать значенія“ челобитнымъ (стр. 142), то сознается, что челобитныя не могутъ быть приняты за надежный источникъ лишь „въ полномъ объемѣ“ (стр. 174—175).—Авторъ не даетъ общей характеристики м. Кипріяна и не указываетъ его мѣста въ исторіи русской іерархіи того времени.

Тѣмъ не менѣе сочиненіе г. Троицкаго въ предѣлахъ задачи, намѣченной авторомъ, вполнѣ удовлетворительно и достаточно для кандидатской степени“.

42) Экстраординарнаго профессора Сергѣя Смирнова о со-

чиненіи студента *Успенскаго Александра* на тему: „Иларіонъ, митрополитъ Кіевскій“:

„Сочиненіе распадается на двѣ неравныя главы: I, жизнь и дѣятельность митр. Иларіона (1—180); II, сочиненія его (181—264).

О жизни и дѣятельности Иларіона сохранились очень скудныя свѣдѣнія, и если авторъ написалъ объ этотъ 180 убогихъ страницъ, то это зависѣло отъ постановки, которую онъ далъ вопросу, и отъ метода его работы. Авторъ захотѣлъ извлечь біографическія данныя объ Иларіонѣ изъ его Слова о законѣ и благодати,—изъ той его части, въ которой говорится объ обращеніи Владимира. Для этого онъ сопоставляетъ рѣчи Иларіона съ корсунской легендой (т. е. лѣтописнымъ рассказомъ и другими параллельными) и признаетъ, что Иларіонъ раздѣлялъ эту легенду; сопоставляетъ съ нею рассказы Нестора и Іакова мниха и признаетъ литературное вліяніе м. Иларіона на повѣствованіе обоихъ объ обращеніи крестителя Руси. Изъ того предполагаемаго г. Успенскимъ обстоятельства, что Иларіонъ раздѣлялъ мысль о корсунскомъ крещеніи русскаго князя, дѣлается выводъ, что онъ былъ по происхожденію и по образованію Корсунянинъ,—„въ его представленіяхъ (о крещеніи Владимира) несомнѣнно сказывалось его происхожденіе“ (стр. 40). Убѣдившись въ этомъ, авторъ подыскиваетъ и другія основанія: будто въ Корсунѣ было варяжское поселеніе и лѣтописный Анастасъ Корсунянинъ одно лицо съ варяжаниномъ Изберномъ (Ждѣберномъ), будто первоначальное духовенство на Руси было варяжское—корсунское (Іоакимъ Корсунянинъ), будто даже и митрополиты Кіевскіе домонгольскаго періода были не греки, а скорѣе корсунскіе варяги. Авторъ обладаетъ смѣлостью, которая, по пословицѣ, города беретъ,—безстрашно громоздитъ одну гипотезу на другую, не чувствуя всей шаткости своихъ построеній: выскажетъ мысль сначала съ оговоркой, потомъ отмѣтитъ, что онъ не сомнѣвается въ ея истинѣ, наконецъ начинаетъ считать свое предположеніе несомнѣннымъ; изъ него дѣлаются выводы, которые переживаютъ такую же эволюцію.... Поэтому достаточно легкаго прикосновенія критики, чтобы сооруженіе г. Успенскаго все рухнуло. Прежде всего, разумѣется, вовсе не нужно быть Корсунцемъ, чтобы только раздѣлять мысль о кор-

сунскомъ крещеніи Владимира. Слѣдовательно никакихъ прочныхъ выводовъ отсюда для біографіи Иларіона нельзя сдѣлать. Да и самая мысль о томъ, что Иларіонъ раздѣлялъ курсунскую легенду, весьма спорна и слабо доказывается авторомъ. Далѣе, если Иларіонъ Корсунецъ и варягъ (т. е. норманнъ, по мнѣнію автора), то гдѣ же признаки его норманнизма? Какъ видно изъ Слова о законѣ и благодати, Иларіонъ превосходно владѣлъ славянскимъ языкомъ,—гдѣ же онъ его выучилъ, живя въ Корсунѣ? Значить тамъ должно было существовать не только варяжское, но и славянское поселеніе? Этихъ естественныхъ вопросовъ авторъ даже и не подозрѣваетъ. Наконецъ, Иларіонъ несомнѣнно богословски образованный человекъ. Если образованіе свое Иларіонъ получилъ въ Корсунѣ, какъ предполагаетъ авторъ, то послѣдній обязанъ доказать возможность этого на основаніи изученія духовной культуры Херсонеса. Ничего подобнаго не сдѣлано.—Литературная зависимость Нестора и Іакова отъ Иларіона доказывается признаками мало доказывающими (совпаденіе въ мысляхъ, въ догматическихъ формулахъ и проч.), въ чемъ сознается и самъ г. Успенскій, когда говоритъ о *трудности* уловить *несомнѣнныя* заимствованія (42, 79, 97, 100). Непріятное впечатлѣніе производитъ проходящая чрезъ все сочиненіе претенціозность автора, которая проявляется въ высокомерномъ обращеніи съ первоклассными авторитетами науки (73, 74, 139, 177, 215, 246).

Удачнѣе II глава. Здѣсь видно, что авторъ широко изучилъ др.-русскую письменность, изучилъ ее основательно по источникамъ, отчасти рукописнымъ; стремился составить свое сужденіе по каждому вопросу и сдѣлалъ нѣсколько соображеній и сближеній, дѣйствительно удачныхъ (189—194, 246—246). Жаль только, что авторъ не разбиралъ обстоятельно поученій съ именемъ Иларіона.

Въ общемъ сочиненіе вполне удовлетворительно для полученія кандидатской степени“.

43) Ординарнаго профессора Сергѣя Глаголева о сочиненіи студента *Флоренскаго Павла* на тему: „О религіозной истинѣ“:

„Влад. С. Соловьевъ умирая говорилъ о наступающемъ ХХ-мъ вѣкѣ: „идей меньше, чѣмъ въ эпоху Троянской войны“.

Этот суровый отзыв о нашем времени, сдѣланный уми-
рающимъ философомъ, справедливъ въ значительной сте-
пени. Инстинктами и страстями очень невысокаго качества
продиктовано множество сочиненій, но идеи и чистые ду-
ховные идеалы отступили на задній планъ. Отступили, но
не исчезли. Духовная жизнь не можетъ замереть совсѣмъ
въ человѣчествѣ. Отраднѣмъ фактомъ, свидѣтельствующимъ
о силѣ религіозной жизни, является и сочиненіе г. Флорен-
скаго „О религіозной истинѣ“. Его будутъ привѣтствовать
всѣ, кому дорога религія и для кого религія—не абстракт-
ная только теорія или аксессуаръ въ жизни, но именно и
есть жизнь.

Сочиненіе г. Флоренскаго необычно какъ по формѣ, такъ
и по содержанию.

Оно написано въ формѣ писемъ къ другу. Высокія идеи
связываются въ немъ съ личными воспоминаніями и окру-
жающей обстановкой. Но это не отвлекаетъ вниманія чита-
теля, наоборотъ, облегчаетъ чтеніе—не всегда легкое—и
даетъ живѣе чувствовать связь вѣры съ жизнью.

Содержаніемъ сочиненія г. Флоренскаго является та еди-
ная, абсолютная, чуждая противорѣчій и перемѣнъ Истина,
въ которой исчезаютъ диссонансы, несогласія, и противорѣ-
чія и антиноміи міра. Въ обращеніи къ читателю и въ 10-ти
письмахъ говорить о ней г. Флоренскій. Методъ познанія
религіозной истины съ его точки зрѣнія есть религіозный
опытъ, который даетъ безцѣнно богатое содержаніе. Соб-
ственно сокровища даетъ церковь. Изъ многаго выбравъ
немногое, г. Флоренскій путемъ анализа и устанавливаетъ
рядъ основныхъ религіозныхъ истинъ.

Въ первомъ письмѣ онъ ставитъ задачу найти себѣ
„Столпъ и Утвержденіе истины“ (1 Тим. 3, 15). Все въ мірѣ
раздроблено, измѣнчиво, мятется и зыблется, но душа ищетъ
Истины всецѣлостной и вѣковѣчной. Какой критерій этой
истины? Обсужденію этого вопроса посвящено второе письмо.
Истина для автора есть интуиція—дискурсія, т. е. дана непо-
средственно и не подлежитъ доказательству. Путемъ анализа
закона тождества авторъ приходитъ къ выводу, что истина
есть самодеказательный Субъектъ. „Само-деказательность и
само-обоснованность Субъекта Истины Я есть отношеніе
къ Онъ черезъ Ты. Черезъ Ты субъективное Я дѣлается

объективнымъ Онъ, и въ послѣднемъ имѣетъ свое утвержде-
 ніе (предметность) какъ Я. Онъ есть явленное Я. Таково
 метафизическое опредѣленіе сущности (*οὐσία*) само-доказа-
 тельнаго Субъекта, которая есть, какъ видно, субстанціо-
 нальное отношеніе. Субъектъ Истины есть отношеніе трехъ,
 но—отношеніе, являющееся субстанціею, отношеніемъ—суб-
 станціею. А т. к. конкретное отношеніе вообще есть система
 актовъ, въ данномъ же случаѣ—безконечная система актовъ,
 синтезированныхъ въ единицу или, еще, безконечный еди-
 ничный актъ, то мы можемъ утверждать, что *οὐσία* истины есть
 безконечный актъ трехъ въ единствѣ. Истина есть единая
 сущность о трехъ ипостасяхъ“ (30 стр.). Въ третьемъ письмѣ
 авторъ предлагаетъ логическое и математическое разрѣше-
 ніе вопроса о тріединствѣ. Въ письмѣ четвертомъ, продолжая
 выяснять понятіе Бога, онъ останавливается на раскрытіи
 того, что Богъ есть любовь, не просто любящій, но сама
 любовь. Познаніе Бога выражается въ любви, какъ выходъ
 изъ своего обычнаго эмпирическаго состоянія и переходъ
 въ новую дѣйствительность. Въ пятомъ письмѣ авторъ го-
 воритъ о постепенности откровенія Божія въ мірѣ: сначала
 открывается Богъ Отецъ, затѣмъ Богъ Сынъ, наконецъ Утѣ-
 шитель—Духъ Святой. Въ шестомъ письмѣ авторъ остано-
 вливается на антиноміяхъ въ религиозныхъ утвержденіяхъ
 (единосущіе и тріипостасность; два естества во Христвѣ
 соединены 1) неслитно и неизмѣнно, 2) нераздѣльно и не-
 разлучно). Человѣкъ долженъ утвердить себя въ Богѣ, въ
 этомъ—любовь и блаженство, но человѣкъ можетъ обособ-
 ляться отъ Бога, подчиняться страстямъ. Это удаленіе отъ
 Бога есть удаленіе въ геенну. Раскрытію этого положенія
 авторъ посвящаетъ седьмое письмо. Восьмое письмо обсуж-
 даетъ вопросъ о воспріятіи истины черезъ откровеніе Духа
 при настоящихъ условіяхъ. Божественное воспринимается
 матеріальнымъ. Авторъ раскрываетъ здѣсь, что христіан-
 ской аскетизмъ вовсе не враждебенъ матеріи, что, наоборотъ,
 все прекрасное тварное находитъ себѣ освященіе. Въ девя-
 томъ письмѣ авторъ говоритъ о Софіи—Божественной пре-
 мудрости, какъ Божественномъ началѣ. *Σοφία* для него—
 идеальная и предвѣчная дерковь, въ Матери Божіей *Σοφία*
 воплотилась по преимуществу. Вѣдѣніе столпа истины по-
 лается черезъ любовь благодатную. Эта любовь достигается

долгимъ подвигомъ. И въ десятомъ письмѣ авторъ указываетъ путь къ ней черезъ дружбу. Сочиненіе автора заканчивается послѣсловіемъ, гдѣ онъ кратко повторяетъ, какъ движется сознание къ „Столпу и Утвержденію истины“.

Необычныя мысли авторъ и раскрываетъ необычнымъ образомъ.

Онъ опирается въ своемъ разсужденіи на два рода основаній, къ которымъ рѣзко обращаются въ настоящее время въ богословскихъ трактатахъ — на религіозный опытъ подвижниковъ и аскетовъ съ одной стороны, и на положительное знаніе съ другой. Но у насъ принято теперь аскетическія творенія разсматривать черезъ призму рационалистическихъ толкованій, а въ новѣйшую науку вѣрять, не заботясь о томъ, чтобы ее дѣйствительно знать. Но авторъ знаетъ, что говорить, и сбить его въ пониманіи и оцѣнкѣ подвижническихъ твореній невозможно. Авторъ говоритъ о св. Серафимѣ Саровскомъ, дѣлаетъ поучительныя выписки изъ Пастыря Ермы. Страницы его сочиненія, разсуждающія о необходимости для разума ради собственнаго спасенія подчиниться вѣрѣ, его анализъ *credo, quia absurdum* Тертуллиана, оцѣнка пари Паскаля, блестящи.

Любитъ авторъ обращаться къ Св. Писанію и неоднократно даетъ тщательный филологическій анализъ понятій (любви, блаженства) нужныхъ для его изслѣдованія.

Часть сочиненія представлена авторомъ въ печатномъ видѣ, часть—въ видѣ рукописи.

О печатной части приходится пожалѣть, что она является на свѣтъ въ довольно искалѣченномъ видѣ. Опечатокъ въ ней безъ конца. Особенно пострадалъ греческій текстъ (см. напр. стр. 7) и математическія формулы. Корректоръ 43 страницы или уже черезъ-чуръ высококомѣрно относился къ алгебрѣ, или такъ сильно вѣрилъ въ ея могущество, что думалъ, что какъ ни переставлять алгебраическіе знаки, отъ этого не получится ущерба для истины. На стр. 148 корректоръ произвелъ слѣнца Дидима въ епископы. Но авторъ, конечно, постарается перепечатать свой трудъ въ болѣе совершенномъ видѣ.

И по замыслу и выполненію сочиненіе автора принадлежитъ къ числу такихъ, которыя вызываютъ и должны вызывать много возраженій.

Сдѣлаемъ нѣкоторыя . . .

Авторъ, который былъ уже математикомъ ранѣе, чѣмъ стать богословомъ, привлекаетъ въ своихъ разсужденіяхъ для выясненія религіозныхъ истинъ математическій матеріалъ. У насъ этотъ приѣмъ совершенно новъ. На западѣ я могу назвать нѣкоторыхъ пользовавшихся имъ въ прямыхъ интересахъ Богословія. Таковы: Карбонель, Гутберлетъ, Иаенкрахъ. Очень удачно для выясненія того, какъ несогласованное и повидимому противорѣчивое въ разсудкѣ находить себѣ истолкованіе въ сравнительно высшихъ обобщеніяхъ, г. Флоренскій привлекаетъ понятіе ирраціональности. Его взглядъ правиленъ, но его рѣчь неясна. У него какъ бы получается, что всякая сумма безконечнаго числа раціональныхъ элементовъ даетъ ирраціональный результатъ; но лучше чѣмъ кто-либо другой онъ знаетъ, что суммы безконечныхъ сходящихся рядовъ могутъ быть раціональными и ирраціональными. Нужно измѣнить немного выраженій, чтобы рѣчь автора стала ясною.

Пытаясь выяснитъ ученіе о равенствѣ лицъ Пресвят. Троицы, авторъ говоритъ: „въ абсолютномъ единствѣ Трехъ нѣтъ „порядка“, нѣтъ послѣдовательности. Въ трехъ вѣпостасяхъ каждая—непосредственно рядомъ съ каждой, и отношеніе двухъ только можетъ быть опосредствовано третьей. Среди нихъ абсолютно немислимо первенство. Но всякая четвертая вѣпостась вноситъ въ отношеніе къ себѣ первыхъ трехъ тотъ или иной порядокъ и, значить, собою ставитъ вѣпостаси въ неодинаковую дѣятельность въ отношеніи къ себѣ, какъ вѣпостаси четвертой. Отсюда видно, что съ четвертой вѣпостаси начинается сущность совершенно новая, тогда какъ первыя три были одного существа.—Другими словами, Троица можетъ быть безъ четвертой вѣпостаси, тогда какъ четвертая самостоятельности не можетъ имѣть. Таковъ общій смыслъ троичнаго числа“ (стр. 32). Въ личной бесѣдѣ съ рецензентомъ авторъ въ защиту этого разсужденія сослался на книгу Couturat—*Les principes des mathématiques*. 1905. chapitre III. Но послѣдовательно развитое разсужденіе Кутюра обращается противъ нашего автора. На линіи между двумя элементами всегда равенство отношенія, на плоскости равенство отношеній, состоящее въ томъ, что каждый элементъ (точка) относится къ другимъ такъ, какъ каждый другой ко всѣмъ, возможно для трехъ точекъ (вершины пра-

вильнаго треугольника). Кутюре называетъ это круговымъ отношеніемъ. Но переходя отъ плоскости къ пространству, о чемъ уже не говоритъ Кутюре, мы получимъ 4 вершины правильнаго тетраэдра, взаимоотношеніе которыхъ тождественно. Идти далѣе значило бы перешагнуть черезъ устои Эвклидовой геометріи. Но достаточно и оказаннаго, чтобы видѣть, что падаетъ аргументъ автора. Равенство взаимоотношеній мы мыслимъ возможнымъ для четырехъ (но не болѣе), а не для трехъ только.

Въ своемъ разсужденіи авторъ много занимается вопросомъ о законѣ тождества, причемъ въ союзники себѣ привлекаетъ арх. Серапіона, рукописями котораго—сочиненія его не изданы—онъ пользовался. Въ разсужденіяхъ автора много цѣннаго. Но они были бы отчетливѣе и можетъ быть выиграли бы въ доказательности, если бы авторъ въ вопросѣ разграничилъ логическую и метафизическую точки зрѣнія. Авторъ въ своей критикѣ и оцѣнкѣ закона стоитъ на гераклитовско-гегелевской точкѣ зрѣнія. Но не одно и то же условное тождество въ мысли и дѣйствительное тождество въ бытіи. Первое есть *conditio* всѣхъ нашихъ разсужденій, вопросъ о второмъ доселѣ открывалъ поле для всевозможныхъ физическихъ, психологическихъ и метафизическихъ предположеній. Но нашъ авторъ, обычно говоря о логикѣ, на самомъ дѣлѣ разумѣетъ метафизику.

Не всегда аргументація автора является достаточно убедительной и онъ самъ сознаетъ это. Онъ говоритъ, что древніе молились Отцу, а теперь молятся Сыну, при чемъ самъ прибавляетъ, что онъ говоритъ почти о недоказуемомъ (91). Дѣйствительно тезисъ автора легко можно оспаривать.

Недостаточно аргументирована у автора суровая характеристика языческихъ религій (письмо восьмое).

Авторъ не даетъ литературы предмета. Это и невозможно, потому что путей ведущихъ къ Богу безконечное множество и каждый выбираетъ себѣ тотъ, который лично для него представляется наиболѣе удобнымъ. Но можетъ быть автору не мѣшало бы отмѣтить нѣкоторыхъ своихъ союзниковъ по тѣмъ или инымъ вопросамъ. (Кутюра, кн. С. Н. Трубецкого по вопросу о языческихъ религіяхъ, Эрмитажъ — по вопросу о Пастырѣ Эрма. Живая жизнь. № 1. 1907).

Сочиненіе автора нуждается въ развитіи, въ обоснованіи.

многихъ положеній, въ измѣненіи деталей, но то, что авторъ уже сдѣлалъ, является въ высшей степени цѣннымъ вкладомъ въ православную богословскую литературу.

Для полученія ученой богословской степени сочиненіе выполнѣ удовлетворительно“.

44) Исправляющаго должность доцента Евгенія Воронцова о сочиненіи студента *Хакима Александра* на тему: „Безкровныя жертвы въ ветхозавѣтномъ культѣ“:

„Сочиненіе г. Хакима представляется въ слѣдующемъ видѣ: сначала авторъ говоритъ о значеніи культа вообще и жертвъ въ частности и отдѣняетъ то положеніе, какое занимаютъ безкровныя жертвы среди обыденныхъ кровавыхъ жертвъ: потомъ онъ частнѣе обзрѣваетъ виды ветхозавѣтныхъ безкровныхъ жертвъ, причѣмъ говоритъ 1) о минхѣ, какъ жертвѣ, замѣщающей кровавую; 2) о минхѣ и несехѣ, какъ жертвахъ, дополняющихъ кровавую, и 3) о минхѣ въ особыхъ формахъ, подѣ каковыми онъ разумѣетъ снопы, приносившіяся во второй день праздника Пасхи (омеръ), хлѣбы, приносившіяся въ Пятидесятницу (шегѣ галлехемъ) и хлѣбы предложенія (лехемъ гаппанимъ). Въ небольшомъ заключительномъ отдѣлѣ сочиненія г. Хакимъ приводитъ ветхозавѣтную библейскую терминологию касательно безкровныхъ жертвъ, отличая жертвы общественныя и частныя, обязательныя и добровольныя. Источниками для автора служили Библейскія книги и особенно комментирующей и иллюстрирующей соотвѣтственныя мѣста книги Левитъ талмудическій трактатъ Менахотъ (въ мишнѣ и тосефтѣ). Главный интересъ при изслѣдованіи положенія безкровныхъ жертвъ въ системѣ ветхозавѣтнаго ритуала возбуждаетъ вопросъ, существовали ли безкровныя жертвы при скинии и храмѣ въ качествѣ самостоятельной жертвы (въ тенденціи компенсировать кровавую жертву). Г. Хакимъ, какъ видно изъ ранѣе приведеннаго обзора содержанія его работы, признаетъ самостоятельный характеръ за извѣстными видами безкровныхъ жертвъ, но въ жертвы ревнованія (минхатъ кенаотъ) онъ даетъ обоснованіе этой проблемы конспективно и даже фрагментарно; вообще трудъ г. Хакима представляетъ большую цѣнность въ описаніи ритуала, чѣмъ въ изслѣдованіи его генезиса, на примѣръ, относительно азкары. Описаніе ви-

довъ минхи и возліянія столь полно, равно начертаніе обрядности жертвоприношенія во всей ея пышной казуистикѣ столь детально, что рецензентъ не находитъ ничего прибавить по существу дѣла къ написанному г. Хакимомъ, а принимая во вниманіе, что ему пришлось затратить время на ознакомленіе съ талмудическою терминологіею (галахическимъ методомъ), и что онъ по характеру своей работы освѣтилъ для себя важнѣйшія стороны библейской археологической дисциплины, именно область древне - еврейскаго культа, должно признать автора рассмотрѣнной нами монографіи достойнымъ кандидатской степени. Съ формальной стороны можно было бы только указать на нѣкоторую повторяемость въ сочиненіи и вообще на несовѣтъ удачную расгруппировку матеріала, но это—погрѣшность второстепенная“.

45) Исправляющаго должность доцента священника Дмитрія Рождественскаго о сочиненіи студента *священника Шеметилло Николая* на тему; „Митрополитъ Литовскій Іосифъ Сѣмашко, какъ проповѣдникъ“:

„Высокопреосвященный Іосифъ Сѣмашко оставилъ слишкомъ незначительное количество проповѣдническихъ трудовъ; не велико и сочиненіе о. Шеметилло (270 стр. разгонистаго письма); но тѣмъ выше качество его труда. Своему изслѣдованію онъ предпосылаетъ краткій, но обстоятельный обзоръ содержанія. Выработанному имъ плану онъ остается вѣренъ на всемъ протяженіи сочиненія; а потому у него нѣтъ повтореній, ненужныхъ подробностей, непослѣдовательности и противорѣчій. Въ сочиненіи затронуты всѣ вопросы, имѣющіе отношеніе къ предмету темы.

Послѣ введенія, слѣдующаго за обзоромъ содержанія, въ гл. I изложена краткая исторія Литвы въ религіозно-церковномъ отношеніи и біографія м. Іосифа, съ характеристикой его личности. При чтеніи этой главы, нельзя не замѣтить, что авторъ никогда не упускалъ изъ виду требованій своей темы и не уклонялся въ сторону. Переходя, во II главѣ, къ проповѣднической дѣятельности Іосифа, онъ перечисляетъ его проповѣдническіе труды и излагаетъ причины малаго ихъ количества. Въ III главѣ дается общее содержаніе его проповѣдей, и онъ обрисовывается здѣсь, главнымъ образомъ, какъ политикъ и полемистъ. Въ гл. IV о. Шеметилло гово-

рить о внѣшней сторонѣ проповѣдей названнаго архипастыря, о требованіяхъ латино-польской гомилетики, о стилѣ, планѣ, размѣрахъ проповѣдей и объ ихъ подлинности. По мнѣнію автора, проповѣди Іосифа слѣдуетъ отнести къ категоріи „словъ“. Гл. V трактуетъ о гомилетической теоріи Іосифа, о тѣхъ вліяніяхъ, подъ которыми сложились его взгляды на проповѣдничество, объ оригинальности его проповѣдей. Далѣе говорится о значеніи Іосифа, какъ проповѣдника вообще и въ частности—о значеніи его проповѣдничества для Литовскаго края: онъ названъ отцомъ новой проповѣди въ Литвѣ.—Въ приложеніи авторъ даетъ переводъ съ польскаго двухъ проповѣдей Іосифа Сѣмашки.

Въ сжатомъ изложенномъ сочиненіи о Шеметилло личность м. Іосифа, какъ проповѣдника и дѣятеля по воссоединенію униатовъ, обрисована очень ярко; его проповѣдничество поставлено въ тѣсную связь съ его общественно-политической дѣятельностью. Литература вопроса изучена въ достаточной мѣрѣ. Авторъ цитуетъ Записки м. Іосифа, сочиненія Костомарова, Кояловича, Жуковича, Рункевича, Извѣкова, Кирипановича, Chodani (Teologia pasterska) и мн. друг.; нередко обращается и къ періодическимъ изданіямъ.

Шероховатости въ изложеніи, неудобныя и неправильныя выраженія есть (стр. 17, 33, 56, 66, 78, 133, 175 и др.); но въ общемъ ихъ немного и они не портятъ общаго впечатлѣнія. Встрѣчаются иногда несовсѣмъ основательныя разсужденія, не съ достаточною послѣдовательностью доказанныя положенія, возбуждающія сомнѣніе замѣчанія (стр. 85, 94, 95, 196 и немн. др.). Въ переводахъ съ польскаго по мѣстамъ удержана конструкція подлинника.

Сочиненіе о Шеметилло можетъ служить примѣромъ того, какъ и въ непоражающемъ своими размѣрами кандидатскомъ сочиненіи можно исчерпать вполне данную тему и съ успѣхомъ выполнить свою задачу. Авторъ вполне достоинъ степени кандидата“.

г) Прошенія, съ приложеніемъ медицинскихъ свидѣтельствъ, студентовъ IV курса: *Бѣликова* Василія, *Дубенскаго* Александра, *свящ. Козлова* Іоанна, *Ланге* Филиппа, *свящ. Ремизова* Николая, *Троицкаго* Петра, *Успенскаго* Василія и *Хадзарагови* Петра—о разрѣшеніи имъ, по болѣзни, сдать устныя испы-

танія и представить письменныя работы послѣ лѣтнихъ ка-
никуль, въ августѣ мѣсяцѣ сего 1908 года.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій: а) § 132: „По
окончаніи испытаній, на каждомъ курсѣ составляется Со-
вѣтомъ списокъ студентовъ по успѣхамъ и поведенію. При
составленіи списка на четвертомъ курсѣ принимаются во вни-
маніе успѣхи студентовъ за все время академическаго обра-
зованія.—б) § 135: „При окончаніи полнаго академическаго
курса студенты академіи удостоиваются степени кандидата
богословія и званія дѣйствительнаго студента“.—в) § 136:
„Студенты академіи, оказавшіе за весь четырехлѣтній курсъ
отличные успѣхи и представившіе сочиненіе, признающее
Совѣтомъ удовлетворительнымъ для степени магистра, утвер-
ждаются въ степени кандидата, съ правомъ получения сте-
пени магистра безъ новаго устнаго испытанія, но удостои-
ваются этой послѣдней степени не иначе, какъ по напеча-
таніи сочиненія и удовлетворительномъ защищеніи его въ
присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ
лицъ (коллоквиумѣ).—г) § 137: „Студенты, оказавшіе въ те-
ченіи четырехлѣтняго курса очень хорошіе и хорошіе успѣхи
и представившіе при окончаніи курса удовлетворительное
для степени кандидата сочиненіе, утверждаются въ этой
степени. Но для получения степени магистра, они должны
выдержать новое устное испытаніе по тѣмъ предметамъ, по
коимъ не оказали успѣховъ, соотвѣтствующихъ сей степени,
и представить новое сочиненіе.—д) § 138: Студенты, оказав-
шіе въ теченіи академическаго курса посредственные успѣхи
и не представившіе сочиненія на степень кандидата или
представившіе сочиненіе неудовлетворительное для сей сте-
пени, получаютъ званіе дѣйствительнаго студента“.—2) Опре-
дѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за
№ 1058 „присужденіе званія дѣйствительнаго студента и
степени кандидата“ отнесено въ разрядъ дѣлъ, окончательно
рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.—3) Определеніемъ
Святѣйшаго Синода отъ $\frac{8 \text{ марта}}{11 \text{ апрѣля}}$ 1892 года за № 590 пред-
писано Совѣтамъ Академій, чтобы они не позже 15 іюля
доставляли въ Святѣйшій Синодъ свѣдѣнія объ окончив-
шихъ курсъ студентахъ, имѣющихъ священныи санъ, а въ
Учебный Комитетъ сообщали списки всѣхъ прочихъ студен-

товъ какъ казеннокоштныхъ, такъ и тѣхъ изъ своекоштныхъ, которые изъявляютъ желаніе служить по духовно-учебному вѣдомству, съ означеніемъ въ томъ и другомъ случаѣ: а) мѣста ихъ происхожденія; б) отмѣтокъ объ ихъ успѣхахъ и поведеніи; в) требуемыхъ опредѣленіями Святѣйшаго Синода отъ $\frac{25}{27}$ апрѣля 1884 года и $\frac{27 \text{ января}}{17 \text{ февраля}}$ 1888 года свѣдѣній о томъ, кто изъ нихъ на какую учительскую каѳедру или должность въ семинаріяхъ и училищахъ признается болѣе способнымъ, а относительно тѣхъ, которые не имѣютъ полного балла по поведенію, свѣдѣній, на основаніи инспекторскихъ записей, о качествѣ совершенныхъ ими во время пребыванія въ Академіи проступковъ.—4) Циркулярнымъ указомъ отъ 8 апрѣля 1904 года за № 3 Святѣйшей Синодъ, признавая полезнымъ сосредоточить въ Учебномъ Комитетѣ при Святѣйшемъ Синодѣ, вмѣстѣ съ дѣлами по распредѣленію окончившихъ курсъ въ духовныхъ академіяхъ на должности въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ и по увольненіи ихъ изъ сего вѣдомства, также и дѣла по храненію всѣхъ документовъ академическихъ воспитанниковъ и по наблюденію за взысканіями съ сихъ воспитанниковъ долга духовному вѣдомству,—въ отмѣну дѣйствовавшихъ на сей предметъ по духовно-учебному вѣдомству распоряженій,—установилъ на будущее время слѣдующія правила: „1) Окончившіе курсъ воспитанники духовныхъ академій, обучавшіеся въ академіи и семинаріи, или хотя бы въ одной изъ нихъ на казенномъ содержаніи, а равно воспитанники, обучавшіеся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ на своемъ содержаніи, но, по окончаніи академическаго курса, заявившіе о своемъ желаніи служить по духовно-учебному вѣдомству, поступають въ вѣдѣніе Центрального Управленія сего вѣдомства.— 2) Начальства духовныхъ академій выдаютъ таковымъ воспитанникамъ только временные виды на жительство или билеты на проѣздъ, но отнюдь не удостовѣрительныя свидѣтельства объ окончаніи ими академическаго курса, а также прогонныя деньги до мѣста ихъ родины; дипломы же на степень кандидата богословія и аттестаты на званіе дѣйствительнаго студента, съ означеніемъ въ нихъ обязательствъ служебныхъ и денежныхъ, документы о родоприсхожденіи и др., а также взятые у нихъ точныя адреса ихъ мѣстожительствъ, — препровождаются Совѣтами академій

вмѣстѣ со списками, по установленнымъ формамъ, въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ, гдѣ они и хранятся впредь до опредѣленія воспитанниковъ на службу; о всякой перемѣнѣ своего мѣстожителства означенные воспитанники немедленно доносятъ Учебному Комитету“.—5) Изъ окончивающихъ нынѣ курсъ воспитанниковъ Академіи не пользовались казеннымъ содержаніемъ ни въ Семинаріи, ни въ Академіи: *Любимовъ* Николай, *Флоренскій* Павелъ. *Воскресенскій* Андрей, *Дьяконовъ* Дмитрій, *Прытковъ* Сергій и *Смирновъ* Леонидъ.—Изъ нихъ первые двое заявили о своемъ желаніи служить по духовно-учебному вѣдомству, остальные четверо пожелали получить документы на руки.—6) Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 20 мая—3 іюня—15 іюня 1905 года за № 2809 постановлено: „въ виду того, что допущеніе иностранныхъ уроженцевъ на духовно-учебную службу въ предѣлахъ Россіи зависитъ отъ усмотрѣнія Святѣйшаго Синода, въ выдаваемыхъ академическимъ воспитанникамъ изъ таковыхъ уроженцевъ дипломахъ и аттестатахъ, если ими не принята присяга на русское подданство, не должно быть обозначено ихъ право быть преподавателями въ русскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ; вслѣдствіе чего академическимъ начальствамъ надлежитъ выдавать иностраннымъ уроженцамъ дипломы и аттестаты по особой соотвѣтственно сему изготовленной формѣ“.—7) Окончившіи нынѣ курсъ палестинскій уроженецъ *Александръ Хакимъ* присяги на русское подданство не принималъ.

Опредѣлили: 1) Окончившихъ полный академическій курсъ студентовъ:

- 1) Флоренскаго Павла,
Нечаева (Костащъ) Петра,
Голощапова Сергѣя,
Свящ. Салагора Павла,
- 5) Волосевича Михаила,
Махаева Николая.
Назаркевича Поліевкта,
Бѣляева Бориса,
Бѣлоусова Евгенія,
- 10) Смирнова Николая,
Соболева Христофора,

Соколова Владиміра,
Мякшина Григорія,
Борисова Пантелеимона и

15) Русинова Виталія—

утвердить въ степени *кандидата богословія* съ предоставленіемъ имъ права на полученіе степени магистра богословія безъ новаго устнаго испытанія;

16) Успенскаго Александра,
Лисицына Вячеслава,
Беневоленскаго Ивана,
Магнитскаго Ивана,

20) Владимірскаго Сергѣя,
Добросердова Александра,
Трембовецкаго Владиміра,
Свящ. Шеметилло Николая,
Авраменко Ивана,

25) Крылова Павла,
Обновленскаго Ивана,
Свящ. Миртова Іоанна,
Смирнова Михаила,
Пескова Бориса,

30) Троицкаго Аркадія,
Бурмакина Николая,
Добролюбова Петра,
Гусева Сергѣя,
Свящ. Совѣтова Алексія,

35) Дьяконова Дмитрія,
Любимова Николая,
Стеблева Бориса,
Воскресенскаго Андрея,
Миролюбова Георгія,

40) Боголѣпова Николая,
Будрина Петра,
Преображенскаго Ивана и

43) Хакима Александра, палест. урож.,—

утвердить въ степени *кандидата богословія* съ правомъ на полученіе степени магистра по исполненіи требованій, означенныхъ въ § 137 академическаго устава;

44) Бабакова Николая,

45) Витальскаго Александра,

Нарскаго Бориса,
Прыткова Сергѣя,
Смирнова Леонида,
Соколова Виталія и

50) Масюкова Иннокентія—

утвердить въ званіи *дѣйствительнаго студента* Академіи, съ предоставленіемъ имъ права на полученіе степени кандидата богословія: Бабакову, Витальскому, Нарскому, Прыткову, Смирнову и Соколову—по представленіи удовлетворительныхъ кандидатскихъ сочиненій, а Масюкову—по сдачѣ новаго устнаго испытанія по нравственному богословію.

2) Объ окончившихъ нынѣ академическій курсъ воспитанникахъ, имѣющихъ священный санъ, доставить, установленнымъ порядкомъ, Святѣйшему Синоду свѣдѣнія, требуемая Синодальнымъ опредѣленіемъ отъ ^{3 марта} 11 апрѣля 1892 года за № 590.—Таковыя же свѣдѣнія о прочихъ воспитанникахъ сообщить Учебному Комитету при Святѣйшемъ Синодѣ.

3) По изготовленіи дипломовъ на степень кандидата богословія и аттестатовъ на званіе *дѣйствительнаго студента* препроводить въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ всѣ документы казеннокоштныхъ воспитанниковъ, а равно и тѣхъ изъ своекоштныхъ, которые изъявили желаніе служить по духовно-учебному вѣдомству, съ приложеніемъ списка оставленныхъ студентами при выбытіи изъ Академіи адресовъ ихъ будущаго мѣстожителства.

4) Палестинскому уроженцу Александру *Хакиму* изготовленный по особой формѣ кандидатскій дипломъ и прочіе документы выдать на руки подъ собственноручную росписку.

5) Выдать также на руки, подъ собственноручныя росписки, документы кандидатамъ богословія *Воскресенскому* Андрею и *Дьяконову* Дмитрію и *дѣйствительнымъ студентамъ Прыткову* Сергѣю и *Смирнову* Леониду, не изъявившимъ желанія служить по духовно-учебному вѣдомству.

6) Студентамъ IV курса: *Бѣликову* Василію, *Дубенскому* Александру, *свящ. Козлову* Іоанну, *Ланге* Филиппу, *свящ. Ремизову* Николаю, *Троицкому* Петру, *Успенскому* Василію и *Хадзарагову* Петру—разрѣшить сдать устныя испытанія и представить письменныя работы послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ сего 1908 года, послѣ чего и имѣть сужденіе объ удостоеніи ихъ ученой степени или званія.

VI. Предложеніе Преосвященнаго Ректора Академіи:

„Долгомъ считаю предложить Совѣту Академіи избрать кого-либо изъ нынѣ окончившихъ академическій курсъ студентовъ для приготовленія въ будущемъ учебномъ году къ замѣщенію вакантныхъ преподавательскихъ кафедръ въ Академіи“.

Справка: 1) § 54 устава духовныхъ академіи: „Для приготовленія къ занятію преподавательскихъ вакансій въ Академіи Совѣту предоставляется оставлять при оной на годичный срокъ наиболѣе даровитыхъ студентовъ, кончившихъ курсъ съ отличнымъ успѣхомъ. *Примѣчаніе.* Лица сіи получаютъ содержаніе изъ особо назначенныхъ для того суммъ, въ размѣрѣ не свыше 700 рублей въ годъ на cadaго“.— 2) Определеніемъ Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058 „оставленіе при Академіи окончившихъ курсъ студентовъ, для приготовленія къ занятію преподавательскихъ кафедръ въ оной, и назначеніе имъ содержанія“ отнесено въ разрядъ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: Оставить для приготовленія въ будущемъ учебномъ году къ замѣщенію вакантныхъ преподавательскихъ кафедръ въ Академіи окончившихъ нынѣ академическій курсъ воспитанниковъ Петра *Нечаева* и Сергѣя *Голощанова*, съ производствомъ имъ, съ 16 августа текущаго года, содержанія по 700 рублей каждому, за вычетомъ 3% на пенсіи.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1908 г. Іюля 4. Смотрѣно“.

II іюня 1908 года.

№ 8.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—профессоръ А. П. Шостыинъ, заслуженные ординарные профессеры—А. Д. Бѣляевъ, Н. А. Заозерскій (сверхштатный) и М. Д. Муретовъ, ординарные профессеры—А. П. Голубцовъ, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ.

экстраординарные профессора—Н. Г. Городенский, С. И. Смирновъ и А. И. Покровский. — Отсутствовали: ординарный профессоръ А. И. Введенский и экстраординарные профессора—П. П. Соколовъ и И. В. Поповъ.

Слушали: I. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что на запросъ его въ С.-Петербургъ относительно положенія дѣла по возбужденному имъ ходатайству о разрѣшеніи заграничнаго отпуска, отъ Г. Товарища Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, Сенатора А. П. Роговича, послѣдовала на его имя телеграмма, отъ 11 сего іюня за № 96314, слѣдующаго содержанія: „Высочайшее соизволеніе Вамъ на заграничный отпускъ послѣдовало; указъ Митрополиту высылается сегодня“.

Справка: 1) Во время составленія настоящаго журнала Его Высокопреосвященствомъ еданъ былъ съ надписью: „1908 г. Іюня 13. Въ Правленіе Московской Дух. Академіи“— указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода, отъ 11 іюня за № 6896, слѣдующаго содержанія:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Товарища Оберъ-Прокурора, отъ 7 сего іюня за № 4833, коимъ объявляетъ, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Г. Оберъ-Прокурора, въ 6 день текущаго іюня, Высочайше соизволилъ на разрѣшеніе ректору Московской духовной академіи Преосвященному Волоколамскому Евдокиму отпуска на два мѣсяца, съ 15 іюня по 15 августа сего года, для посѣщенія съ нѣкоторыми изъ профессоровъ и студентовъ академіи, съ религіозно-научною цѣлью, Стараго Аѳона, Баръ-Града и Рима. Приказали: О такомъ Высочайшемъ соизволеніи, для свѣдѣнія и объявленія Епископу Евдокиму, послать указъ Вашему Преосвященству“.

2) Устава духовныхъ академіи: а) §§ 33: „Инспекторъ, въ случаѣ болѣзни или отсутствія ректора академіи, исправляетъ его должность“; б) § 39 (въ новой редакціи, установленной опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058): „Въ случаѣ болѣзни или отсутствія инспектора, исполненіе его обязанностей возлагается Совѣ-